

УДК 904:711.424+912:911.52 (571.16-25)

М.П. Чёрная, Н.В. Осинцева

Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия
E-mail: mariakreml@mail.ru

ПРОБЛЕМА МЕСТА ОСНОВАНИЯ ТОМСКА И РОЛЬ ЛАНДШАФТНОЙ ОЦЕНКИ В ЕГО ВЫЯВЛЕНИИ*

Постановка проблемы

В последние годы в изучении средневекового Томска обозначилась новая, неожиданная проблема большой исторической значимости, открывающая широкое поле деятельности для исследователей. Она связана с определением места основания города.

Из глубины веков пришло к нам знание о размещении Томска на южном мысе Воскресенской горы. Однако, как было установлено в ходе археологических раскопок в 1983–2002 гг., на южном мысе отсутствуют культурные напластования с руинами города первой половины XVII в. Памятник датируется не ранее чем серединой XVII в. и представляет собой остатки кремля, построенного в 1648 г. Это самый мощный и величественный в истории Томска кремль – административно-политический, общественный, военно-оборонительный центр тогдашнего города. Весь корпус источников – археологических, письменных, картографических – убедительно свидетельствует о том, что в 1648 г. кремль был перенесен на новое место и с тех пор находился на южном мысе Воскресенской горы. С этого времени южный мыс закрепился в живой памяти поколений как историческое ядро Томска [Чёрная, 2002].

Опровержение овеянного почти трехсотлетней традицией мифа об основании города на южном мысе Воскресенской горы ставит вопросы о первоначаль-

ном местоположении Томска и путях его выявления. На сегодняшнем этапе исследований в условиях явного дефицита источников доступным и, видимо, перспективным является анализ ландшафтных предпосылок размещения города.

“Упрося у Бога милости город поставити в крепком месте”

Прежде чем попытаться наметить “крепкое место”, где мог быть размещен город в 1604 г., попробуем выяснить, каким образом сформировался устойчивый миф о размещении Томска на южном мысе Воскресенской горы и чем он подпитывался более двух с половиной столетий.

У истоков историографической традиции о месте основания Томска стоял Г.Ф. Миллер. Знаменитый историк побывал в Томске в 1734 г.; там он, воочию увидев возвышавшийся на южном мысе кремль, построенный в 1648 г., отметил: “А та крепость, которая стояла до этого времени *на том же самом месте* (курсив наш. – Авт.), была построена в 7112 (1604) г.” (см.: [Элерт, 1988, с. 73]). Г.Ф. Миллер, по всей видимости, не подтвердил свои суждения архивными данными, потому что не располагал письменными и графическими документами, а не потому что их не было изначально. Существовала жесткая регламентация отчетности по такому важному делу, как поставление государевых городов: необходимо было написать подробную отписку о ходе строительства и его

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 04-01-00379А.

результатах, составить чертеж, на котором зафиксировать расположение города на местности, и приложить роспись с общими сведениями о городских строениях. Москва строго контролировала планы постройки городов, предварительную разведку земель и выбор мест для размещения новых опорных пунктов [Кириллов, 1980, с. 13–19; Градостроительство..., 1994, с. 7–58]. Царский наказ от 25 марта 1604 г. о строительстве Томска заканчивался повелением: "...а как город поставят... писать подлинно и чертеж новому Томскому городу прислати к государю царю и великому князю Борису Федоровичю всея Руси к Москве и велеть отписку и чертеж отдать в Казанский и в Мещерский дворец дяку Нечаю Федорову" (цит. по: [Бояршинова, 1953, с. 44]). Безусловно, все требуемые документы были оформлены и посланы по назначению. В последующем чертежи и росписи к ним составлялись неоднократно при каждой смене воевод по принципу: "дела сдал – дела принял".

Документация не только отправлялась в Москву, но и накапливалась в архиве местной администрации. Однако архивное богатство дошло до нас отнюдь не полностью, и виноваты в этом не только время и пожары. Как известно, в свой первый приезд в Томск в 1734 г. Г.Ф. Миллер нашел, что "старинные дела Томской канцелярии, которые имеются в каменном кладовом амбаре, почти все изгнили, что едва их разобрать возможно". По сообщению, оставленному в последней четверти XIX в. священником В. Гурьевым, который имел доступ к архиву томской Алексеевской обители, на обратном пути в 1740 г. при вторичном посещении Томска историк не обнаружил никаких старинных дел, была лишь текущая канцелярская документация: согласно живому преданию, идущему от почтенных стариков-казаков, а к ним от их отцов, местный воевода, опасаясь нажать с историческими актами какую-нибудь беду, распорядился в течение нескольких ночей вывозить на подводах все старые архивные дела на реку Томь и погружать их в воду [Гурьев, 1881, с. 64–65; Миллер, 1937, с. 506]. Содержание портфелей Г.Ф. Миллера, в которых есть и собрание томских документов, показывает, что В. Гурьев несколько сгустил краски, но часть архивов по той или иной причине погибла. Не имея документальных свидетельств, Г.Ф. Миллер вынужден был исходить из собственной рекогносцировочной оценки и мнения старожилов. Выгодная во всех отношениях позиция кремля 1648 г. позволила Г.Ф. Миллеру через неполные 100 лет после его строительства заключить: "Что надлежит до места, которое под Томск выбрано, то и по долговременном искании лучшаго и способнейшаго в тамошней стране найти не можно бы было" [1998, с. 318]. Место под строительство кремля в 1648 г. в городском ландшафте было выбрано столь удачно (оно точно соответствовало ста-

тусу административного, военного, градообразующего центра), что вопрос о возможно другом его размещении в прошлом ни у жителей, ни у исследователей, вероятно, и не возникал.

Постепенно южный мыс, этот "знатной вышины пригорок", стал ассоциироваться с единственным местом основания Томска. Оптимальное расположение кремля 1648 г. позволяло считать, что кремль находился на южном мысе и в 1604 г. Само собой разумеющееся историческое местонахождение Томска не требовало доказательств. Этим объясняется не критичное восприятие "Росписи Томскому городу и острогу" 1627 г., введенной в 1910 г. в научный оборот, которая стала рассматриваться историками и краеведами как подтверждение версии о месте закладки города в 1604 г. на южном мысе горы. В 1954 г. по "Росписи..." сотрудниками краеведческого музея во главе с Н.М. Петровым был сделан макет города первой четверти XVII в. [Петров, 1956]. Его составители столкнулись с проблемой: город не вписывался в топографию южного мыса – его юго-западная часть оставалась за стенами города (рис. 1). Оставить

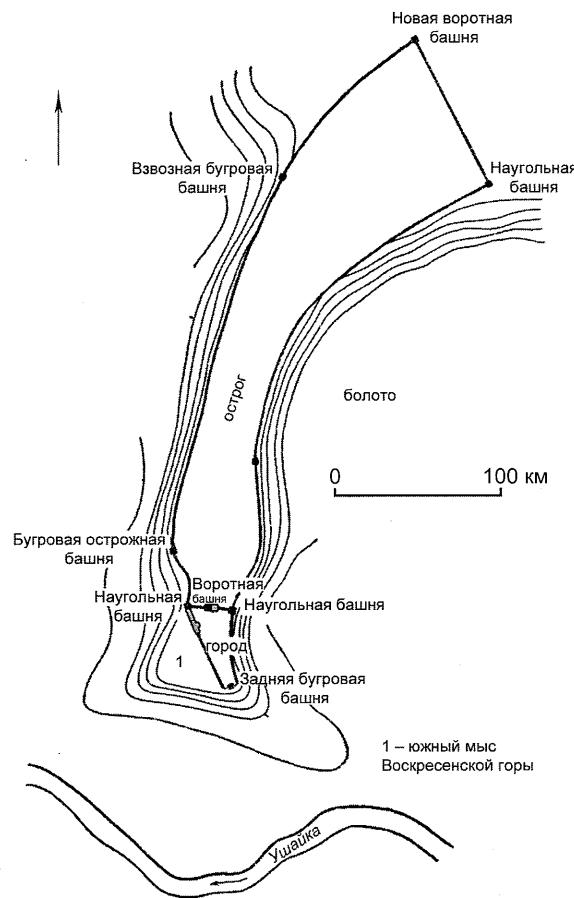

Рис. 1. Реконструкция плана Томского города и острога по "Росписи..." 1627 г. [Петров, 1956, с. 63].

за городской стеной незастроенную, пустую площадку значило создать удобный плацдарм для взятия города, что совершенно недопустимо в военно-оборонительном отношении. Несоответствие модели города топографической ситуации южного мыса Н.М. Петров объяснил недостатком времени для строительства полнометражной стены вдоль южного и западного склонов. Однако этот аргумент не выдерживает критики: достроить несколько десятков метров стены в условиях постоянной угрозы нападения “немирных” кочевников было можно и нужно не за недели, а за считанные дни. Но, судя по “Росписи...” 1627 г., за последующие 23 года томичи “не нашли” времени обнести стеной незастроенный участок. На самом деле объяснение следует искать не в недостатке времени и нерадивости местной администрации и горожан, а в том, что длина городских стен была продиктована размерами и конфигурацией строительной площадки. Форма и площадь южного мыса явно не соответствуют габаритам города 1604 г., периметр стен которого едва превышал 200 м.

Видимо, сознавая слабость своей аргументации, авторы макета, огородили незастроенный участок частоколом, «грубо нарушив указания “Росписи...”», от чего предостерегал сам Н.М. Петров. Но и эта мера не спасала положения: частокол создавал лишь видимость защищенности. Позже, чтобы не возникали ненужные вопросы, “лишнюю” часть мыса убрали, подогнав его под модель города. Этот макет, неадекватно воспроизводящий исторический облик города, на десятилетия определил образ старого Томска.

Задача установления места основания Томска усложняется отсутствием чертежей города XVII в. Отчетные письменные документы, подобные “Росписи...”, не могут служить основанием для локализации города в пространстве. Привязка города на местности делалась на чертеже, в сопровождающей его росписи давалось более или менее пространное описание городских построек, казенных запасов, вооружения; географические же указатели, если они вообще сообщались, были приблизительными, плавающими. Топографические ориентиры “Росписи Томскому городу и острогу” 1627 г. столь же расплывчаты: “от Ушайки”, “от болота”, “от Томи реки”. Если на сохранившиеся карты Томска XVIII в. нанести указанные в “Росписи...” ориентиры, то можно подыскать по меньшей мере несколько точек весьма вероятного расположения первоначального города на вогнутой обрывистой стороне Воскресенской горы, где болото было оконтурено подковообразными очертаниями горы, к югу располагалась р. Ушайка, к западу – р. Томь (рис. 2, 3).

С нашей точки зрения, следует обратить внимание не на вогнутую часть “подковы” горы, а на северо-западный мыс, где в настоящее время находится

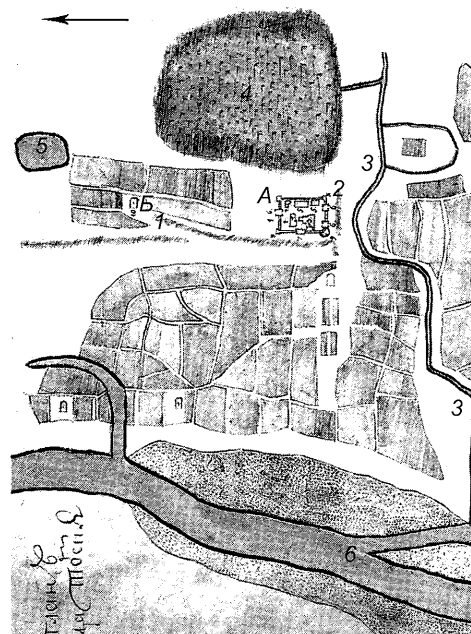

Рис. 2. Фрагмент плана Томска 1734–1740 гг. (ААН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/14).

1 – северо-западный мыс Воскресенской горы, 2 – южный мыс Воскресенской горы, 3 – р. Ушайка, 4 – болото, 5 – оз. Белое, 6 – р. Томь. А – кремль постройки 1648 г., Б – Воскресенская церковь.

каменная Воскресенская церковь постройки 1789–1807 гг. (ее деревянная предшественница, судя по планам XVIII в., располагалась южнее). Наше внимание к этой площадке объясняется ее соответствием, во-первых, стратегическим требованиям к размещению города, во-вторых, приблизительным координатам “Росписи...” 1627 г. Северо-западный мыс Воскресенской горы является одной из трех высотных доминант (две другие – южный мыс Воскресенской горы и северная оконечность Юрточной горы), которые господствовали над окружающим ландшафтом и городской застройкой, что наглядно видно на панорамах Томска XVIII в. (рис. 4). Находившийся на такой высоте укрепленный городской центр имел естественную защиту и мог контролировать всю округу. Вероятное расположение города 1604 г. на северо-западном мысе Воскресенской горы также не противоречит географическим указаниям “Росписи...”; правда, этот мыс находится несколько дальше, чем южный, от Ушайки и болота в ее пойме, но зато ближе к Томи. Сомнение может вызвать ориентировка на болото, находящееся в изгибе подковообразной горы, поскольку от северо-западного мыса его отделяет ок. 300 м, но следует учитывать, что это большое болото служило одной из главных привязок на местности. Кроме того, не ясно – было ли это болото единственным, на которое мог быть ориентирован город?

Рис. 3. Фрагмент плана 1768 г. (РГВИА. Ф. ВУА. 22677).
1 – северо-западный мыс Воскресенской горы, 2 – южный мыс Воскресенской горы,
3 – р. Ушайка, 4 – болото, 5 – оз. Белое. А – кремль постройки 1648 г.

Необходимость ландшафтного анализа при определении возможного местоположения Томска 1604 г. вызвана не только чрезвычайной скудостью источников. Ландшафт как природный территориальный комплекс в градостроительстве допетровского времени являлся естественной основой, в которую вписывался город. Связь города с ландшафтом была взаимообусловленной, гибкой и потому гармоничной.

Ведущим элементом ландшафта, принимаемым во внимание градостроителями, являлся рельеф, в соответствии с которым выбиралось место для города и расставлялись композиционные акценты [Кудрявцев, Кудрявцева, 1980, с. 3–12; Градостроительство..., 1994, с. 140]. Конечно, рельеф не был и не мог быть единственным фактором, определявшим место закладки города и перспективы его развития. Но геомор-

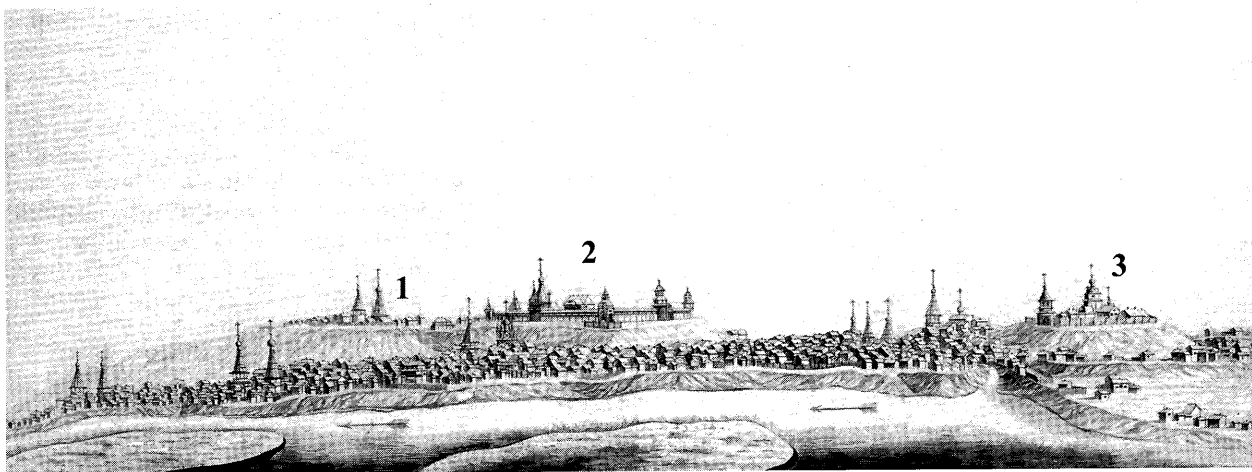

Рис. 4. Панорама Томска (1734–1740 гг.) И.-В. Люрсениуса (ААН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/45).
1 – северо-западный мыс Воскресенской горы, 2 – южный мыс Воскресенской горы с кремлем 1648 г.,
3 – Юрточная гора с Богородице-Алексеевским монастырем.

фологические характеристики при рекогносцировочной оценке местности основателями городов учитывались в первую очередь.

Томск находится на правом берегу Томи неподалеку от устья ее правого притока Ушайки. Особенности геоморфологического строения обусловили его ступенчатый рельеф: город, поднимаясь от Томи на восток, расположен на террасах. Воскресенская гора представляет собой третью надпойменную террасу Томи, которая возвышается над уровнем поймы на 15–25 м. Ее обрывистый неприступный северо-западный мыс высотой 24–25 м расположен в 700 м от Томи и Ушайки и является выгодной стратегической площадкой. Учитывая геоморфологические условия, благоприятствующие образованию пойменных болот, зададимся вопросом: существовало ли на рубеже XVI–XVII вв. болото у подножия северо-западного мыса?

Формирование болота происходит в пониженных элементах рельефа. У подножия северо-западного мыса в пойме Томи такие элементы отмечены на месте пере сохших стариц и проток. Основу питания пойменных болот составляют речные полые и грунтовые воды. После окончания половодья в понижениях поймы наблюдается продолжительный застой вод. Вода стекает в пойму с прилегающих склонов, а у их подножия разгружаются грунтовые воды. В результате в понижениях поймы вблизи высоких склонов создаются условия повышенного увлажнения и начинается процесс заболачивания. Болота в пойме Томи могли сформироваться еще в бореальное ($2\ 610 \pm 70$ лет), самое позднее – субатлантическое ($1\ 640 \pm 70$ лет) время. С тех пор и до настоящего времени болотообразование происходит непрерывно, хотя его скорость за последние 200 лет несколько замедлилась [Львов, 1976]. Однако общий ландшафтный облик болотного массива, закладывавшийся при его формировании, на протяжении этого времени не менялся [Лапшина, 1987]. Таким образом, в начале XVII в. болота уже могли быть сформированы.

Благоприятные условия для образования пойменных болот наблюдаются именно в исторической части города вдоль склонов второй и третьей надпойменных террас Томи, где сегодня расположены улицы Бол. Каштанная, Р. Люксембург, Бол. Подгорная, Московский тракт, и в пойме Ушайки. Правда, в настоящее время болотные массивы здесь не сохранились. Сейчас на территории города имеется только один крупный (157 га) заболоченный участок – у подножия третьей надпойменной террасы Томи в северной части города, вдоль субмеридионального отрезка р. Мал. Киркизка; небольшие болотца встречаются в пойме Ушайки. По мнению Е.Д. Лапшиной, наличие болота на интересующем нас участке – у западного склона Воскресенской горы (ул. Бол. Подгорная, Р. Люксем-

бург (бывшая ул. Магистратская)) – маловероятно, но не исключено, что здесь могла быть неглубокая торфяная залежь лесного облика*.

Как показывает картографический анализ, на застроенных землях площадь пойменных болот гораздо меньше, чем на окружающих неурбанизированных территориях. Дело в том, что болотные земли неудобны для использования, поэтому люди всегда стремились осушить, засыпать болота, чтобы сделать эти земли пригодными для строительства зданий и сооружений, прокладки коммуникаций и т.д. Большое болото в пойме Ушайки примерно с середины XVIII в. постепенно осушается и застраивается: на плане Томска 1768 г. обывательскими строениями занята его южная кромка (см. рис. 3), на плане 1797 г. – около трети (рис. 5), а в течение XIX в. застраивается вся площадь болота (рис. 6). Болото на месте современ-

* Авторы признательны доценту кафедры ботаники Томского государственного университета Е.Д. Лапшиной за консультацию.

Рис. 5. Фрагмент плана Томска 1797 г.

[Градостроительство..., 1994, с. 133].

1 – северо-западный мыс Воскресенской горы, 2 – южный мыс Воскресенской горы, 3 – болото.

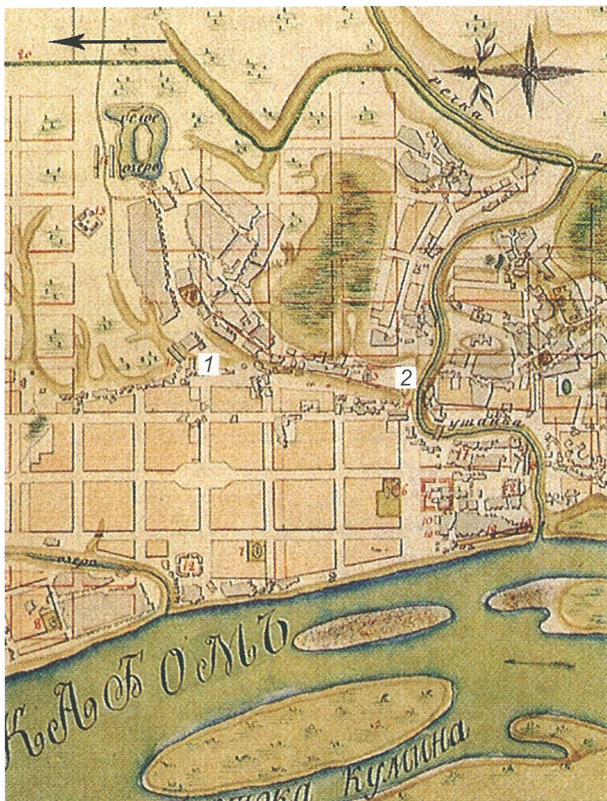

Рис. 6. Фрагмент плана Томска конца XIX в. [Храмы Томска, 1990].

1 – северо-западный мыс Воскресенской горы,
2 – южный мыс Воскресенской горы.

ного микрорайона Черемошники на высокой пойме Томи, указанное на карте города 1933 г., ныне не существует. Другие пойменные болота, которые были в исторической зоне города, исчезли под воздействием антропогенного фактора или сохранились в погребенном виде.

Проведенный анализ позволяет заключить, что ландшафтные предпосылки размещения города в 1604 г. на северо-западном мысе Воскресенской горы, безусловно, существовали. Если у подножия северо-западного мыса было болото, то стены города в “Росписи...” 1627 г. могли быть ориентированы относительно него, если же этого болота не было, северо-западный мыс все равно попадает в зону действия географических указателей документа. Выбор для строительства южного мыса был бы предпочтительнее, поскольку расположенные вблизи естественные преграды – Ушайка на юге и обширное болото на востоке затрудняли бы прорыв к городу. Северо-западный мыс находился намного ближе к приступной “от Киргизсково приходу” северной стороне. Но наличие на южном мысе татарского могильника XVI – начала/первой трети XVII в., выяв-

ленного в ходе археологических исследований *, сделало невозможным для первостроителей Томска размещение города на этой площадке, несмотря на все ее преимущества. Основанию Томска предшествовала многолетняя деятельность по разведыванию земли и налаживанию добрососедских отношений с местными татарами-еуштинцами. Не посчитаться с чувствами коренных жителей края и поставить город на месте погребения их предков означало развязать войну, которая надолго отодвинула бы планы продвижения России на важнейшем юго-восточном направлении.

Политические соображения взяли верх, и для строительства города была выбрана другая площадка, возможно, высокий, с крутыми обрывами северо-западный мыс Воскресенской горы. В этом случае город находился ближе к оз. Белому. Логично было бы привязать город к этому важному географическому объекту, но это не сделано в “Росписи...” 1627 г. Обращает на себя внимание форма северо-западного мыса, близкая к треугольной (южный мыс прямоугольный). На узкой части северо-западного мыса могла располагаться самая короткая (6 саж., или 12,3 м) городская стена, т.е. параметры города 1604 г. лучше накладываются на конфигурацию именно этого мыса. Кстати, письменные источники уже в начале 1620-х гг., через 16–17 лет после основания города, сообщают о необходимости “в Томском сделать новый город, а старый весь развалился”. Разрушение могло произойти не только из-за конструктивного несовершенства укреплений, но и из-за осыпания склонов мыса, конфигурация которого по этой причине со временем менялась.

Предположение о расположении первоначального Томска на северо-западном мысе Воскресенской горы, а верхнего острога на части нынешней ул. Октябрьской (быв. ул. Воскресенская) меняет наше представление о направлении развития города: не с юга на север, как считалось до недавнего времени, а с севера на юг – к южному мысу горы. Косвенное подтверждение этого предположения можно найти на планах Томска XVIII в., где новый городской центр, построенный в 1648 г., не соединен с верхним острогом. Их разделяет незастроенное пространство, в то время как в “Росписи...” 1627 г. указывается на наличие общей стены в городе и остроге, т.е. на их смежное расположение. Кроме того, в ходе рекогносцировочных раскопок на территории верхнего острога

* Н.М. Петров, предполагая, что южный мыс Воскресенской горы для дорусского населения Томского края был удобным местом для организации обороны, захоронения умерших и устройства святилищ, подчеркивал, что подтверждение этому могут дать археологические работы [1956, с. 72.].

в северной части современной ул. Бакунина (быв. ул. Ефремовская), примыкающей к ул. Октябрьской, были выявлены культурный слой, мощность которого (более 1 м) указывает на длительность формирования, и фрагменты керамики с полностью залощенной поверхностью первой половины XVII в.

Высказанные соображения о размещении Томска в 1604 г. на северо-западном мысе Воскресенской горы носят вероятностный характер. Возможно, в дальнейшем, с появлением новых данных, мы сами опровергнем некоторые из заявленных тезисов или пересмотрим точку зрения в целом. И сегодня остаются вопросы: какую конфигурацию имели город и верхний острог; каким образом они соединились; почему в “Росписи...” 1627 г. город ориентирован относительно Ушайки и болота, а острог относительно Томи, но упоминается острожная Отболотная башня; почему нет привязки к оз. Белому и были ли основания для нее; где раньше пролегало русло Ушайки, которое за последние столетия меняло свое ложе* и т.д.

Еще одно важное, на наш взгляд, замечание. В течение 23 лет своего существования, до момента составления “Росписи...”, Томск развивался, менялся, росла численность жителей. В 1609 г. в томском гарнизоне насчитывалось 100 служилых людей, в 1626 г. к служилым, посадским людям и пашенным крестьянам относился уже 531 чел., и это только главы семей [Бояршинова, 1953, с. 34]. Вместе с увеличением численности горожан расширялась и селитебная территория, прежде всего “на остроге”. Насущной необходимостью были ремонты, перестройки, сооружение новых объектов. С начала 1620-х гг. в документах рефреном звучит мысль о ветхости старого города. В “Росписи...” 1627 г. зафиксировано текущее состояние дел в городе и остроге, кстати отмечено, что в “стене острожной передней... башня новая”, но не названы те перемены, которые новыми уже не назовешь, но которые могли быть, например, лет десять назад.

* Из сообщения Я. Андреева от 1858 г. известно, что “изменение течения и образование нового русла Ушайки произошло не ранее 80 лет назад”, т.е. в последней четверти XVIII в. [1858, с. 46].

Рис. 7. Современный вид северо-западного мыса Воскресенской горы (со стороны ул. Кузнечный Взвоз). Фото М.П. Чёрной.

Заключение

Из общего контекста понятно, что авторы не претендуют на законченность и полную аргументированность своих выводов. Напротив, совершенно ясно, что некоторая недосказанность, возникающие вопросы, предположения могут быть разрешены с появлением дополнительных данных. Вместе с тем, мы считаем проделанную работу продуктивной. С одной стороны, сегодня, не имея источников с прямыми указаниями на первоначальное местоположение Томска, мы находимся в том же положении, что и Г.Ф. Миллер 270 лет назад. “Роспись...” 1627 г., о которой не знал наш именитый предшественник, ставит больше вопросов, чем дает ответов. С другой стороны, мы имеем несомненное преимущество, зная, что южный мыс Воскресенской горы не является местом основания города. Хотя проведенный рекогносцировочный анализ применительно к северо-западному мысу носит предварительный характер, он позволяет наметить подходы, “прощупать” возможные точки размещения города. Северо-западный мыс представляется нам достаточно “крепким местом” для строительства здесь города в 1604 г. (рис. 7).

В комплексе предпосылок, определявших выбор места под город, ландшафтные условия были важны и всегда учитывались как краткосрочный, так и долгосрочный фактор действия. В упоминавшемся наказе Бориса Годунова о строительстве Томска четко оговорены условия, которым должно соответствовать

место под город, благоприятствующие его развитию: “под город место высмотреть где пригоже... чтоб городу которые порухи не было”, разведать “сколь пашни мочно устроити... и промыслы всякими промышлять” [Там же, с. 41–44]. Но при всей важности анализа ландшафтной ситуации он недостаточен для решения вопроса о выборе строительной площадки, требуется привлечение источников с определенными данными о местоположении города. Чертежей Томска XVII в. пока не найдено. Описания с точной ориентировкой на местности, видимо, не создавались, поскольку географическая привязка выполнялась на чертеже. Перспективны в решении проблемы места основания Томска достаточно масштабные археологические раскопки. При явной нехватке других источников ландшафтные особенности становятся важными указателями в археологическом поиске.

Список литературы

- Андреев Я.** Томская старина // Том. губ. вед. – 1858. – № 7.
- Бояршинова З.Я.** Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1953. – Сб. 3. – С. 21–48.
- Градостроительство** Московского государства XVI–XVII веков. – М.: Стройиздат, 1994. – 316 с.
- Гурьев В.** Историограф Миллер в Томске // Рус. вестн. – М.: Изд-во университет. тип. М. Каткова, 1881. – Т. 156. – С. 62–72.
- Кириллов В.В.** Сибирский приказ и его роль в организованном строительстве городов на новых землях // Архитектурное наследие. – М., 1980. – Вып. 28. – С. 13–19.
- Кудрявцев М.П., Кудрявцева Т.Н.** Ландшафт в композиции древнерусского города // Архитектурное наследие. – М.: Стройиздат, 1980. – Вып. 28. – С. 3–12.
- Лапшина Е.Д.** Структура и динамика болот поймы р. Оби (на юге Томской области): Дис. ... канд. биол. наук. – Томск, 1987. – 282 с.
- Львов Ю.А.** Характер и механизмы заболачивания территории Томской области // Теория и практика лесного болотоведения и гидромелиорации. – Красноярск: Ин-т леса и древесины, 1976. – С. 36–44.
- Миллер Г.Ф.** Описание Сибирского царства. – М.: Либерея, 1998. – Кн. 1. – 416 с.
- Миллер Г.Ф.** История Сибири. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 1. – 607 с.
- Петров Н.М.** Опыт восстановления плана Томского города и острога начала XVII в. // Тр. / Том. обл. краевед. музей. – 1956. – Т. 5. – С. 59–78.
- Храмы Томска** [Изоматериал] / Сост. Г.В. Скворцов. – Томск: Б.и., 1990.
- Чёрная М.П.** Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 187 с.
- Элерт А.Х.** Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 97–104.

Материал поступил в редколлегию 12.04.04 г.